

УДК: 007, 008, 304

JEL: M15

DOI: 10.31857/S2686673022060049

EDN: GRQISK

Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего

Н.М.Травкина

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8215-2101>

e-mail: usa-canada@mail.ru

Резюме: Анализируется воздействие процессов цифровизации на четыре сферы общества: экономическую, политическую, социальную и духовную. Эти процессы определяются как диффузия информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые носят положительные и отрицательные эффекты. Цифровизация общественных сфер напрямую связана с компонентом цифровой безопасности социума, которая приобретает глобальный характер. Кибервойны и кибератаки наносят ущерб в масштабах мировой экономики, составляющий ежегодно до 6 трлн долл., соизмеримый с экономическими потерями военного времени.

Широкомасштабная цифровизация общественных сфер впервые в истории человечества создаёт объективную возможность конструирования и проектирования его будущих состояний, что фундаментальным образом отличает ход грядущих социально-экономических и политических процессов от хода исторической эволюции прошлых эпох. Это породило дихотомию виртуальных утопий и антиутопий проектов Будущего. Антиутопии строятся вокруг представлений о грядущем «цифровом рабстве», в то время как утопические видения фокусируются на картинах «цифрового рая». В основе поляризованных взглядов на цифровое Будущее лежат процессы «цифрового разрыва», смысл которых состоит в том, что цифровизация способствует значительному увеличению неравенства в доступе к цифровым благам, что в свою очередь оборачивается ростом неравенства в распределении доходов и богатств.

Коронавирусная пандемия способствовала мощному ускорению процессов цифровизации, которые выступили формой адаптации общества к её стрессам и пагубным последствиям. Цифровизация сделала возможной и экономически выгодной социальное дистанцирование. Одновременно произошло колоссальное усиление экономической мощи и политического влияния цифровых корпораций, что объективно требует резкого усиления роли государства, которое должно поставить процессы цифровизации под действенный общественный контроль.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая безопасность, общественные сферы, научно-технические уклады, цифровой проект, коронавирусная пандемия, цифровой разрыв, цифровые утопии и антиутопии

Для цитирования: Травкина Н.М. Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (6):50-70.

DOI: 10.31857/S2686673022060049 EDN: GRQISK

Digitalization of Society: Alternative Projections of the Future

Natalya M. Travkina

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8215-2101>

e-mail: usa-canada@mail.ru

Abstract: The impact of digitalization on four spheres of society is analyzed in the article: economic, political, social and spiritual. Digitalization is defined as the diffusion of information and communication technologies (ICT), which bring with them both positive (legitimate) and negative (wrongful) effects. At the same time, at present, the digitalization of public spheres is directly connected with the component of ensuring the digital security of society, which is increasingly becoming global in character. Cyber wars and cyber attacks cause damage on the scale of the global economy, amounting to up to \$6 tn annually, commensurate with the economic losses of wartime. Large-scale digitalization of public spheres for the first time in the history of mankind creates an objective opportunity to construct and design its future states, which fundamentally distinguishes the course of future socio-economic and political processes from the course of the historical evolution of past periods, determined by the forces, including natural, beyond the human control. From this point of view, the processes of digitalization of social processes have given rise to a dichotomy of virtual utopias and anti-utopias of Future projects. Dystopias are built around visions of the coming "digital slavery", while utopian focus on visions of a "digital paradise". At the heart of polarized views on the digital Future are the processes of the "digital divide", the meaning of which is that digitalization contributes to a significant increase in inequality in access to digital goods, which in turn results in an increase in inequality in the distribution of income and wealth.

The coronavirus pandemic that hit all of humanity in 2020-2022 contributed to a powerful acceleration of digitalization, which acted as a form of society's adaptation to its stresses and harmful consequences. Digitalization has made social distancing possible and cost-effective, and has contributed to the development of remote forms of socio-economic activity. At the same time, the pandemic contributed to a colossal increase in the economic power and political influence of digital corporations, which objectively require a sharp increase in the regulatory role of the state, which should put digitalization under effective public control.

Keywords: digitalization, digital security, social spheres, scientific and technological formation, digital project, coronavirus pandemic, digital divide, digital utopias and dystopias

For citation: Travkina N.M. Digitalization of Society: Alternative Projections of the Future. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (6): 50-70.

DOI: 10.31857/S2686673022060049 EDN: GRQISK

ВВЕДЕНИЕ. ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Цифровизация, «визитной карточкой» и основой которой является всемирная паутина Интернета, превратилась в важнейший материальный фактор ускорения глобальных процессов, определяя их специфику и направленность.

Как и в прошлые эпохи, глобализация оказалась двуликим Янусом, с одной стороны, сближая социально-экономические и политические системы, а с другой – сея между странами семена раздора, войн и разрушений. Цифровизация как могучая сила глобальных социально-экономических и политических преобразований может выступить как мощнейший инструмент и созидательных, и разрушительных процессов. В своём последнем качестве она имеет потенциал превратиться – и возможно уже превратилась – в новый вид столкновений – кибервойн, разрушительный потенциал которых, с точки зрения экономических потерь, сопоставим с экономическим ущербом мировых войн первой половины XX века и финансово-экономических кризисов XXI века.

Цифровизация привнесла с собой в качестве обязательного и неотъемлемого элемента такой параметр, как безопасность – цифровое Будущее должно быть безопасным, в противном случае оно может вообще не состояться. В связи с этим можно указать на такой факт: уже сейчас атаки в киберпространстве для получения экономических выгод наносят ущерб мировой экономике в пределах от 100 млрд до 6 трлн долл., и с каждым годом эти потери увеличиваются [1: 1].

ЦИФРОВАЯ ДИФфуЗИЯ В СОЦИУМЕ

Каноническое определение цифровизации гласит, что она представляет процесс внедрения цифровых технологий в различные общественные сферы. Общепринятая классификация общественных сфер включает четыре: 1) экономическую; 2) политическую; 3) социальную и 4) духовную. В центре классификационной матрицы стоит Человек, поскольку перечисленные сферы отражают его базовые общественные потребности как индивида и личности: потребность трудиться и приумножать имеющиеся в его распоряжении материальные блага и услуги; потребность участвовать в общественной и государственной жизни, отражающей его политические предпочтения и взгляды; потребность в социальной жизни, проистекающей прежде всего от принадлежности к семье, народу, различным половозрастным группам, и, наконец, потребность в духовном развитии, предполагающем выработку мировоззренческих представлений и морали, повышение образовательного уровня. Эта «вплетённость» Человека в общественные в широком смысле слова отношения отражена на рис.1.

В историческом плане цифровые технологии появились сразу же после Второй мировой войны, во второй половине 1940-х годов, однако современная история информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) начинается с 1969 г., когда по линии Министерства обороны США была введена в строй компьютерная сеть «Арпанет», ставшая прототипом современного Интернета [2].

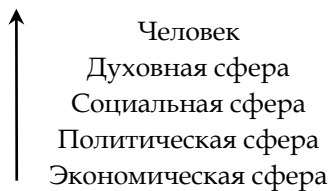
Рисунок 1

Человек в системе основных общественных отношений

Сферы жизни общества, рис 1. Available at: <https://www.grandars.ru/college/sociologiya/sfera-obshchestva.html>

Диффузия последующих цифровых нововведений шла по восходящей, начиная с экономической сферы, и постепенно распространяясь на все остальные общественные сферы, а с начала XXI века все активнее стала захватывать и самого человека (концепции и практическое применение искусственного интеллекта - ИИ). Это поступательное развитие цифровых технологий по основным общественным сферам приводится на схеме.

Схема

Постепенная цифровизация общественных сфер и человека

Поступательная цифровизация общественных сфер, а также связанная и с самим человеком, заставляет задуматься о том, в какой степени к каждой из них применима правомерность её оцифровывания, которая в итоге повысит её функциональную эффективность в удовлетворении человеческих потребностей и в какой степени вторжение цифровых технологий в области, занимающие более высокое место в их иерархическом порядке, является фактором растущей дисфункциональности данной сферы.

В настоящее время можно констатировать, что широкое распространение цифровых технологий в экономике представляется оправданным, поскольку отражает логику поступательной смены научно-технических укладов. Экономи-

ческая сфера является правомерной областью применения и распространения цифровых технологий, хотя, как указывал голландский социолог М. Оссеварде, «цифровая трансформация может быть интерпретирована как утверждение господства экономических сил, олицетворяемых олигархической властью технологических кластеров, наиболее известным из которых является Кремниевая долина» [Ossewaarde M.: 25]. В отношении других общественных сфер можно высказать гипотетическое предположение, что их цифровизация выглядит более проблемной и сопровождается растущим взаимозамещением цифровых технологий качеств и свойств Человека как социобиологического вида, что включает в том числе мыслительные, чувственные и волевые области.

Стоит указать на то, например, что цифровизация политической сферы может привести к резкому ужесточению режима политического контроля над обществом и его манипулированию в интересах «властвующих элит». Как отмечала немецкий профессор политологии Дж. Хофман, авторитарные режимы «либо не могут, либо не хотят полагаться на готовность своих граждан сотрудничать. Устоявшиеся демократии имеют много возможностей политической мобилизации граждан: они могут полагаться на то, что общественность сформирует критически единое мнение, понимание и солидарность. Кроме того, они могут ожидать от значительной части своего населения совместных действий. Вместо того чтобы усилить действие этих сторон политической жизни, цифровой мониторинг может только подорвать их» [3].

Цифровизация социальной сферы может обернуться ослаблением и даже распадом социальных общин, включая институт семьи, и даже целых обществ. На эту опасность, в частности, указывают норвежские социологи профессора Х. Спилкер и Л. Рюттер, которые анализировали проблему создания больших баз данных на рядовых граждан государственными органами: «Использование больших баз данных поднимает серьёзные вопросы о конфиденциальности, безопасности этих данных и этике. Эти вопросы, конечно, являются даже более критически важными в общественном секторе по сравнению с частным сектором при использовании искусственного интеллекта. При этом возникает значительный потенциал для несанкционированного контроля над гражданами, а также риск автоматизации несправедливых действий» [Reutter L., Spilker H.: 96].

Цифровизация духовной сферы в её законченном виде в перспективе означает полное нивелирование ценностей, являющихся сугубо человеческими, имеющими отношение к морально-этическим и религиозным ценностям. Цифровизация, по сути, обрывает всякие связи человека с духовным измерением, поскольку, как отмечала американский теолог и инженер по образованию Л. Дович, «жизнь в сообществе людей и постоянное с ними общение – это валюта духовного роста» [Dovich L.: 12].

И, наконец, цифровизация самого человека может считаться равносильной «самоликвидации» человека как *homo sapiens* – человека разумного в том виде, как его знает современная биологическая наука и каждый человек. По представлениям ставшего популярным историка Ю. Харари, прорывы в биотехнологиях и информационных технологиях «дадут нам власть над внутренним миром и позволят менять себя, но мы не понимаем всей сложности нашего разума, и эти изменения могут оказать разрушительное воздействие на всю нашу систему мышления» [Harari Y.: 16].

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОЕКЦИЙ БУДУЩЕГО

Традиционный взгляд на ход и эволюцию исторических процессов сводился к тому, что временной поток из Прошлого в Будущее через Настоящее носит автономный характер, до известной степени независимый от воли и сознания отдельных социальных групп и обществ в целом. Именно представления об автономном характере действия сил, определяющих переход от одной общественной формации к другой, от одного научно-технологического уклада к другому и лежат в основе закономерностей исторической эволюции стран и человечества в целом. Смена научно-технологических укладов, начиная с конца XVIII века и заканчивая нашим временем, отражена в таблице.

Таблица

Научно-технологические уклады в период 1785–2022 гг.

Механиза- ция Водная энергия Железо	Паровые машины Железные дороги	Электриче- ство Двигатели внутренне- го сгорания Химикаты	Электро- ника Аэрокос- мическая техника	Интернет Компьюте- ры Биотехно- логии	Цифрови- зация
1-я волна	2-я волна	3-я волна	4-я волна	5-я волна	6-я волна
1785 г.*	1845 г.*	1900 г.*	1950 г.*	1990 г.*	2020 г.*
60 лет**	55 лет**	50 лет**	40 лет**	30 лет**	25 лет**

* начало периода;

**продолжительность периода.

Следует сказать, что современные социальные науки в своём понимании общей направленности общественной и научно-технологической эволюции человечества не далеко ушли от высказывания основоположника политической экономии А. Смита, считавшего, что ход исторической эволюции опреде-

ляется «невидимой рукой» Провидения¹. В конце XX века в зарубежной литературе развернулась и продолжается до сих пор дискуссия о том, в какой степени упоминания «невидимой руки» в трёх работах А. Смита могут считаться не более чем метафорой, а в какой – претензией на теоретическое обобщение, которое сформулировал великий мыслитель конца XVIII века, но не смог довести до логического конца. По мнению ряда исследователей, «невидимая рука» может считаться основой для далеко идущих теоретических обобщений, особенно когда встаёт вопрос об эффективности «рациональной» государственной политики, которая порождает непредвиденные и зачастую противоположные первоначально задуманным расчётам последствия. Такая ситуация возникает вследствие того, что творцы государственной политики «претворяют в жизнь курс, направленный на исправление определённых проблем, пренебрегая мнением критиков, предупреждавших, что избранное направление политики приведёт к противоположному результату, а затем вина за непредвиденные результаты будет перекладываться на третью сторону, чтобы не быть виноватым. В итоге непредвиденные результаты возникают по вине элит, которые считают, что обладают знаниями и мудростью, необходимыми для реализации "лучшего общества для всех"» [4: 9].

Цифровизация общественных отношений радикальным образом меняет направленность их эволюции, при которой Будущее может быть *спроектировано* в Настоящем. Общественные силы, в полной мере овладевшие и контролирующие процесс цифровизации, претендуют на то, чтобы общество Будущего явилось не результатом действия автономных сил, в ряде случаев опирающихся на помощь и поддержку «невидимой руки» Провидения, а возникло в результате реализации *цифрового Проекта*, создаваемого в компьютерах, суперкомпьютерах и с помощью искусственного интеллекта (ИИ).

Важнейшим фактором, который делает теоретически возможным реализацию цифрового проекта, является широкое распространение цифровых технологий во всех сферах общества. Широкая диффузия цифровых технологий ведёт к невиданному в мировой истории симбиозу практически каждого человека и компьютера, в результате возникает информационное общество, представляющее собой «результат перехода от предыдущей цифровой эры к новому пост-цифровому миру, в котором цифровое превратилось в основу повседневной жизни» [Dufva T., Dufva M., March 2019: 18].

¹ Человек «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» [Смит А., 2008: 332].

Базу возможного цифрового проекта составила концепция цифрового кода (или алгоритма), который может быть «изменён, обновлён, исправлен, взломан, сохранён и проанализирован без изменения самой физической машины» [Dufva T., Dufva M., March 2019: 17]. В исторической ретроспективе смена научно-технологических укладов являла себя в форме видимого изменения символов и продуктов достижений научно-технической мысли в виде паровых машин, железнодорожных локомотивов, автомобилей, самолётов, достижений биотехнологий и нефтехимии, ракет, роботов, автоматизированных систем. То есть, смена образов Будущего предполагала и видимую смену их материальных носителей, что и создавало возможность эффективно блокировать только одни направления научно-технического развития экономическими и политическими средствами, опираясь на инструменты государственного регулирования общественных сфер. Достаточно вспомнить, что были прекращены финансирования многих программ освоения и исследования космического пространства или запрет на проведение разработок в сфере генной инженерии².

Появление невидимого цифрового кода, чистого продукта человеческой мысли или ИИ, коренным образом изменило ситуацию в сфере взаимодействия человека и цифровых технологий. В отличие от других научно-технических сфер, с которыми сталкивается личность в процессе своей социализации, сейчас цифровые технологии, по крайней мере в развитых странах, окружают её с младенческих лет. Фактически современный человек с рождения оказывается в цифровом мире, поэтому для общественной и личной ориентации в этом мире человек вынужден приобретать соответствующие навыки и опыт, поскольку его симбиоз с цифровым миром будет продолжаться до скончания века. В результате представление человека об устройстве цифрового мира, можно даже сказать цифровой Вселенной, его «восприятие цифрового мира (например, как данное по сравнению с чем-то, что производится и что, таким образом, может быть сформировано) определяет, какие виды будущего мыслятся как возможные» [Dufva T., Dufva M., March 2019: 18].

Цифровизация базируется на компьютерном моделировании, опирающемся на *виртуальную реальность*, зачастую носящую игровой характер. Виртуальная реальность основана на образном, можно сказать художественном, мышлении, на что указывали специалисты по принятию решений *с помощью* компьютерного программирования. В частности, голландские аналитики И. Кастерен и М. Дьюджин, исходя из опыта применения цифровых технологий, пришли к выводу, что художественные метафоры служат в качестве ментальных моделей

² В частности, согласно данным обследования Международного комитета по биоэтике (в составе ЮНЕСКО), в 29 из 39 стран, активно занимающихся генной инженерией, существуют запреты на редактирование генома человека (то есть получение генно-модифицированного зародыша), при этом в 25 странах проведение таких экспериментов запрещено юридически [5: 88].

при разработке и реализации визуальных концепций. Именно ментальные модели используют образы для чёткого понимания того, как вещи сочетаются друг с другом, поскольку метафоры «идеально подходят для вычленения основного смысла (или смыслов) при обработке больших объёмов данных, формируя гибкие рамки для понимания и интерпретации информации» [Van Cattenburch I., Michael Duijn V., March 2019: 108].

Образные метафоры несут на себе морально-нравственный компонент, например, это проявляется в древнегреческих мифах. В частности, миф о Фаэтоне повествует о нравственной ущербности возгордившегося Фаэтона: взяв на короткое время у своего отца Гелиоса солнечную колесницу, он не справился с управлением, и кони понесли его по неправильной траектории к планете Земля, в результате он и погиб, сраженный молнией Зевса. Образное моделирование Будущего с помощью цифровых технологий имеет и ещё одну важнейшую особенность. Она связана с программированием той роли, которую в Будущем намерены играть его творцы. По существу, это сценарий управления и манипулирования структурно-функциональными характеристиками цифрового Будущего современными политическими и финансово-экономическими элитами, который начинается с определением их фокального местоположения в цифровой Вселенной. В этом плане, тот же древнегреческий миф о Фаэтоне даёт представление не только о тех неограниченных возможностях, которые создаёт цифровое управление миром Будущего (солнечная колесница Гелиоса), но и о тех опасностях, которые могут возникнуть для властвующих элит, если они не справятся с его управлением. По сути, цифровой проект Будущего предполагает построение иерархического общественного порядка, который неизменно присутствовал во всех социально-экономических системах с древнейших времён и до наших дней. Проект цифрового Будущего неизменно будет следствием «элитного визионерства» и «мечтаний профанических масс», поскольку большинство простых людей в мире «не могут ожидать для себя ни сиюминутных выгод, ни улучшений в долгосрочной перспективе от поступательного научно-технического прогресса. Они должны покорно принимать посулы доброжелательных третьих сторон, что их жизнь будет улучшаться за счёт изобретений, разработанных в других местах, предпринимателей, активно занимающихся цифровыми технологиями, имеющих капиталы и знания, позволяющие им осуществлять крупномасштабные общественные преобразования. Таким образом, неравенство – не только как возможность доступа, но и в ещё большей степени как несбыточное ожидание – является неустрашимым этическим и политическим барьером на пути справедливого управления технологическими инновациями» [Sand M., March 2019: 101].

КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ – ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО?

Коронавирусная пандемия, обрушившаяся на человечество в начале 2020 г., коренным образом изменила привычные ритмы функционирования практически всех общественных сфер и большинства государств на планете Земля. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила 11 марта 2020 г. вспышку коронавируса глобальной эпидемией [6], и эту дату можно считать условной точкой отсчёта приближающегося Будущего. По состоянию на весну 2022 г. в мире коронавирусом заразились 471,0 млн человек, скончались почти 6,1 млн человек. Следует заметить, что 73% всех случаев заражения и немногим более 75% смертельных случаев пришлось на страны Северной и Южной Америки, а также на европейские страны [7].

Профессор истории Йельского университета Ф. Сноудена изучал влияние пандемий на общественное развитие с 1346 г. по 1953 г., которые унесли от 75 млн до 200 млн жизней на планете³, начиная со времён первой мировой пандемии чумы, и кончая глобальными пандемиями современности. Он пришёл к выводу, что пандемии, подобно революциям, войнам или экономическим кризисам, неизменно оказывались поворотными пунктами в развитии отдельных обществ и всего человечества в целом. Фундаментальная причина заключается в том, что пандемии «затрагивают самые глубинные слои человеческой психики. Они вынуждают задавать важные вопросы о смерти и её причинах, о смысле жизни, об отношениях с Богом? Если у нас есть всемогущая, всеведущая и доброжелательная сила, как мы можем примирить эту силу с эпидемиями, которые уносят жизни огромного количества детей?» [8].

Как правило, пандемии вели к резкому усилению роли государства, авторитарных форм правления, при этом такое усиление проистекает отнюдь не из понимания того, какие меры необходимо предпринять, а из прямо противоположной посылки: власть, «не зная, что делать, создаёт впечатление, что её действия продиктованы глубоким пониманием сложившейся ситуации, хотя на самом деле решительность действий и призвана создать иллюзорное впечатление эффективности предпринимаемых мер, а для этого и надо продемонстрировать силу и решимость» [9].

Сложившаяся ситуация, в частности, уже обернулась тектоническим сдвигом во внутриполитическом положении США. По мнению Ф. Сноудена, воздействие пандемии на президентство Дональда Трампа было фундаментальным. «Я твёрдо уверен в том, – пишет учёный, – что в условиях её отсутствия он почти наверняка был бы переизбран на второй срок». При этом, как указал американский

³ В 2019 г. Ф. Сноуден выпустил монографию, посвящённую влиянию глобальных пандемий на общественное развитие [Snowden F., 2019].

историк, поражение Д. Трампа выходит за рамки традиционной политической теории президентских выборов и, возможно, имеет значение и для представителей политической элиты в других странах. Пандемия радикально изменила привычную тактику и стратегию ведения политических кампаний, поскольку Д. Трамп «внезапно столкнулся с противником, который представлял природные силы, а не политического соперника в человеческом облике. Стратегия, к которой прибег Д. Трамп, построенная на выдвигании "альтернативных фактов", оказалась в итоге бесполезной. Она обнажила неадекватность действий Трампа в ответ на эпидемиологический кризис, принесший огромные страдания и смерть, за которые он не хотел брать на себя ответственность. Ему не удалось также убедить страну в том, что у него есть решение величайшего медицинского кризиса наступившего века».

Коронавирусная пандемия резко усилила социальный контроль государственных органов над гражданами, основанный на цифровых технологиях. При этом, как подчеркнул Ф. Сноуден, «использование электронных устройств для слежки за гражданами в некоторых странах приняло такие формы, которые напоминали антиутопии Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли. Для контроля за передвижением граждан стали использовать дроны и видеокамеры, сотовые телефоны и роботов в медицинских центрах». Поэтому даже в условиях отступления болезни соблазн прибегать к цифровым технологиям «для контроля, наблюдения и вторжения в частную жизнь граждан может сохраниться. Граница между защитой здоровья и стремлением к злоупотреблению властью в настоящее время весьма прозрачна и постоянно нивелируется по мере развития цифровых технологий» [10].

Пандемия затронула механизмы функционирования практически всех общественных сфер. Однако уже сейчас в большинстве стран мира выявились три основные тенденции, которые будут определять ход общественных процессов в ближайшем будущем. *Первая тенденция* связана с заметным усилением крупных технологических фирм, активно разрабатывающих и внедряющих цифровые технологии. *Вторая* сводится к ещё большему увеличению всех видов неравенства, особенно социально-экономического, которое стимулируют современные цифровые технологии, при этом оно затрагивает распределение экономических благ, политическое влияние, социальные отношения, в том числе по признаку пола, расы, возраста и образовательного уровня. И, наконец, *третья тенденция* проявляется в пролиферации информационных потоков в СМИ, которые трактуются определёнными сегментами аудитории как дезинформационные. Фактически речь идёт о том, что современные цифровые платформы превратились в объекты *информационных войн*, идущих как внутри обществ, так и в мировом киберпространстве.

В целом эти тенденции создают в будущем в расчёте на предстоящие пять – десять лет ситуацию «новой нормальности» [11]. При этом общественная жизнь будет всё в большей степени определяться такими понятиями, как «точка перегиба», «прерывистое равновесие», «немыслимый масштаб», «экспоненциальный процесс», «массовые нарушения» и «беспрецедентный вызов». Набирающие обороты процессы цифровизации обществ будут происходить в условиях, по выражению известного американского социобиолога Э. Уилсона, «палеонтологических эмоций, средневековых институтов и данных от Бога технологий» [12].

Социальное дистанцирование, получившее права гражданства как форма борьбы с коронавирусной пандемией, постепенно перерастёт в систему «телевсего», то есть в систему дистанционных здравоохранения, образования, работ, развлечений, электронной торговли и общественных мероприятий, включая участие в политических процессах, в том числе и дистанционного голосования [Травкина Н.М., Роговский Е.А., 2016.]. Социальное дистанцирование в широком смысле этого слова обернётся тем, что «социальные сообщества, города и национальные государства станут более изолированными, что позволит им успешнее выживать в конкурентных условиях. В результате резко усилятся ксенофобия, фанатизм и закрытые социальные группы» [11].

Социальное дистанцирование уже обернулось серьёзными психологическими стрессами. В ближайшем будущем следует ожидать нарастания психопатических форм поведения на индивидуальном и групповом уровнях, провоцируемых нарастающим усложнением. По мнению американских аналитиков, проблемы и вызовы, программы и технологии – всё станет более сложным. «Основой "новой нормальности" станет неистребимая сложность: как наши проблемы, так и наши технологии (в том числе то, как мы развёртываем эти технологии) уже давно прошли стадию простых подходов» [11].

Как сегодня видится, усложнение всех общественных процессов будет создавать нарастающие нагрузки на психику, что грозит не только ростом числа психических расстройств и заболеваний, но нарастающим изменением сознания человечества, которое примет столь широкие масштабы, что его можно будет поставить в один ряд с планетарными климатическими изменениями [Davies T.: October 2016: 2139]. К примеру, коронавирусная пандемия отчётливо выявила тенденцию к нарастанию психических заболеваний и расстройств, абсолютному и относительному увеличению числа самоубийств и потребления наркотиков и алкоголя.

Так, в США, по данным американской официальной статистики, за первую половину 2020 г. доля взрослого населения, сообщавшая о симптомах тревожного и/или депрессивного расстройства, увеличилась почти в 4 раза по сравнению с первой половиной 2019 г. – с 11,0% до 41,1%. При этом в особо уязви-

мом положении оказались социальные группы с невысокими доходами, представители этнических меньшинств, молодёжь. В частности, в 2020 г. доля населения в возрасте от 18 до 24 лет, сообщавшая о симптомах тревожного и/или депрессивного расстройства, составила 56,2%, а доля населения в возрасте от 25 до 49 лет с аналогичными симптомами – 48,9%, доля населения в возрасте от 50 до 64 лет – 39,1% и доля пожилых слоёв населения – всего 29,3%, то есть почти в 2 раза меньше по сравнению с подрастающим поколением [13]. Вполне возможно, что процессы дальнейшей цифровизации общества будут сопоставимы по своим медико-биологическим последствиям с воздействием коронавирусной пандемии 2020 года.

«ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ»: ОСНОВНОЙ ФАКТОР ПОЯВЛЕНИЯ УТОПИЙ И АНТИУТОПИЙ ЦИФРОВОЙ ЭРЫ

Распространение и внедрение в общественных сферах цифровых технологий носит неравномерный и противоречивый характер, в результате возникает ситуация, при которой одни общности имеют доступ и широко пользуются плодами цифровизации, а другие лишены такой возможности. Неодинаковость доступа и владения цифровыми технологиями и создаёт феномен «цифрового разрыва». Он имеет много измерений, но наиболее референтными считаются три его вида: 1) разрыв между городскими ареалами и сельской местностью; 2) разрыв между различного рода социально-экономическими группами и 3) глобальный разрыв между развитыми и развивающимися странами [14]. Цифровой разрыв можно трактовать и как *проблему неравенства* в распределении доступа к общественному благу, именуемого цифровыми технологиями. Так, в 2020 г. примерно 4% всех домовладений в Великобритании, в которых проживало свыше 1,0 млн человек, не имело доступа к интернету, даже несмотря на то, что охват британских домовладений интернетом идёт «семи-мильными шагами». В 2000 г. доступ к интернету имели всего 25% британских домовладений, а в 2010 г. – уже 73% [15]. Помимо этого, «сельская телекоммуникационная инфраструктура явно уступает городской. Это оборачивается тем, что большое количество людей не способно полностью использовать потенциал информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) там, где они живут и работают. Ощущается также недостаток литературы, в которой анализировалась бы специфика пространственной природы цифрового исключения сельских жителей и последствия этого явления» [Philip L., 2017, August: 387].

В социальном плане неравенство в образовательном уровне и распределении доходов практически в каждом обществе играет решающую роль в формировании и углублении цифрового разрыва. Согласно данным статистических обследо-

дований, лица с высшим и неполным высшим образованием имеют потенциал использования цифровых технологий в среднем в 10 раз выше аналогичного показателя для лиц со средним и неполным средним образованием. Индивиды и семьи с месячным доходом в 75 тыс. долл. и выше имеют степень доступа к интернету и цифровым технологиям, в 20 раз превышающую степень доступа к ИКТ для лиц и семей с относительно небольшими доходами (30 тыс. долл. в месяц и меньше) [14].

Цифровой разрыв особенно остро проявляет себя в глобальных масштабах: половина населения Земного шара (а это почти 4,0 млрд людей!) не имеют доступа к интернету, и в большей части наиболее слаборазвитых стран доступ к цифровым технологиям, естественно не самым передовым, имеет не более 20% [16].

Появление революционных видов техники, о которых с самого начала заговорили о себе цифровые технологии, не могло не наложиться на структуру эсхатологического сознания современного человечества, которое со времён промышленной революции в Великобритании в последней трети XVII века неизменно рассматривало появление технологий как возможность для человечества обрести долгожданные «ключи от земного рая», избавив большую часть населения от нужды, а растущее изобилие материальных благ обернётся если не устранением, то, по крайней мере, существенной метаморфозой различных ипостасей Зла.

Цифровые технологии, с самого начала отражавшие и преумножавшие Доброе, Злое и Уродливое, не могли не порождать утопии «социального рая» и антиутопии «социального ада». Как отметил в этой связи американский философ Э. Финберг, специализирующийся на философских проблемах современного научно-технического прогресса, «современные утопии являют собой пример захватывающих передовых отчётов о новейших разработках в сфере науки и техники. Эти новые утопии населены биоинженерными сверхлюдьми, объединившимися в систему Универсального разума или загруженными на более надёжное оборудование, чем человеческое тело. Большие данные скоро предскажут, когда мы простудимся, и, наконец, сделают возможной настоящую науку об обществе. Сетевой искусственный интеллект удовлетворит все наши потребности и избавит нас от необходимости трудиться» [Feenberg A., 2017, No 20: 78]. Коронавирусная пандемия не могла не выдвинуть на первый план антиутопии надвигающегося на человечество «цифрового ада» – во всяком случае для тех стран и социальных групп, которые окажутся не в состоянии адаптироваться и овладеть современными цифровыми технологиями.

АНТИУТОПИЯ: «ЦИФРОВОЕ РАБСТВО»

Активное распространение цифровых технологий в политической сфере спровоцировало оживлённые дебаты о судьбах и перспективах системы либе-

ральной демократии не только в западных странах, особенно в США, но и во всём мире. Цифровые технологии создают объективные возможности контролировать большие социальные группы населения и отдельных индивидов, а также усиливать возможные репрессивные начала против них. В этом плане чрезвычайно показательно, что один из ведущих американских поборников идеи глобального торжества идей либеральной демократии Ф. Фукуяма прямо увязал упадок демократических институтов в ведущих странах Запада и особенно в США именно с распространением цифровых технологий, которые в последнее десятилетие способствовали значительной фрагментации общества и падению доверия к государственным институтам власти.

Как указал Ф. Фукуяма, даже в самых демократических обществах «возникающий феномен "сетевизации всех вещей" ведёт к такой аккумуляции массивов информации и данных, использование которых будет носить непрозрачный характер, особенно по сравнению с нынешним интернетом. Крупные и технически грамотные организации, будь то правительства или частные компании, потенциально могут "эксплуатировать" огромные массивы информации, и они уже активно начинают это делать. Дальнейший прогресс в сфере цифровых технологий вряд ли открывает хорошие перспективы для расширения прав и возможностей демократии, хотя мы ещё находимся только на ранних стадиях этих процессов и пока рано делать прогнозы обо всех возможных политических последствиях» [Fukuyama F., January 2020: 16].

Тем не менее, современные цифровые технологии, находящиеся в распоряжении политических элит, открывают колоссальные возможности для манипулирования настроениями, ожиданиями и ценностной ориентацией широких масс населения, имеющих политические права, которых в Древней Греции именовали «демосом». Современные ИКТ позволяют создать мощную систему **вмешанных** политических ценностей и представлений, которые отражают представления политических элит о степени самостоятельности «демоса» в выработке собственных политических взглядов. Тем самым, основными политическими игроками в псевдodemократической политической системе остаются только узкие группы политических элит, которые в отношении «демоса» начинают проводить политику его нивелирования, которую немецкий политолог Л. Ульбрихт образно назвала «соскабливанием демоса» (*demos scraping*). По её экспертному заключению, «под видом цифровой демократизации происходит поворот к технократическому захвату власти и деполитизации. "Соскабливание демоса" в его нынешнем виде – это троянский конь для формирования технократического

капитализма слежки и эстетически приятной материализации, имитирующей демократию» [Ulbricht L., 2020, No. 3: 438]⁴.

Потеря политических прав открывает дорогу для следующего этапа «цифрового закабаления» – потери социально-экономических прав и благосостояния: свободные граждане постепенно превращаются в «цифровых рабов».

УТОПИЯ: «ЦИФРОВОЙ РАЙ»

Видениям «цифрового Ада» в современном мире противостоят глянцево красивые картины «цифрового Рая». Пример такого рода сценария – аналитическая разработка «Единая цифровая Европа», подготовленная группой европейских исследователей для Европейской комиссии и опубликованная весной 2019 г. Этот документ содержит перечень основополагающих принципов, реализация которых позволит создать «справедливое и демократическое общество, в котором защищены базовые свободы и права граждан, в котором сильные государственные институты работают в интересах общества и где люди имеют право голоса в отношении того, как должно выглядеть общественное устройство». Составители этого сценария твёрдо убеждены в том, что «у Европы имеются все возможности для создания подобного рода цифрового общества» [20: 5].

Концепция построения общеевропейского «цифрового Рая» исходит из того, что в настоящее время в европейских странах ощущается недостаток цифровых технологий и в целом цифровизация не раскрыла свой потенциал и свои возможности в полной мере. По сути, все проблемы европейской цифровизации мыслятся составителями сценария в том ключе, что Европе нужно не меньше ИКТ, а как можно больше цифровых технологий. Построение «цифрового Рая» должно осуществляться на четырёх основных принципах.

Согласно *первому принципу*, должно быть усилено личностное самоопределение, то есть расширены возможности полноценного участия в социальной жизни, в том числе и дистанционно, без необходимости передавать личные данные коммерческим организациям. Самоопределение включает право на неприкосновенность частной жизни и участие в более демократичных моделях управления данными и алгоритмической прозрачности.

⁴ Американская политическая жизнь последнего десятилетия даёт прекрасные примеры постепенной трансформации значительной части американских избирателей в политически манипулируемый «демос». Так, в 2012 г. кандидат на пост президента от Республиканской партии М. Ромни охарактеризовал 47% американских избирателей, голосующих за Демократическую партию, «социальными изживенцами» [17]; в 2016 г. кандидат в президенты США от Демократической партии Х. Клинтон презрительно отозвалась о сторонниках Д. Трампа как о «сборище достойных сожаления» [18], и, наконец, президент США Дж. Байден в марте 2021 г. назвал десятки миллионов сторонников Д. Трампа как «имеющих неандертальское мышление» [19].

Согласно *второму принципу*, должна развиваться система культивирования общего наследия. Этот принцип предполагает, что европейцы с помощью цифровых технологий должны участвовать в совместной трудовой деятельности и обмениваться для этого соответствующими знаниями. Совместная трудовая деятельность будет представлять огромную социальную ценность для всех европейцев.

Согласно *третьему принципу*, должна проводиться последовательная политика децентрализации европейской технологической инфраструктуры, что позволит в перспективе увеличить её технологический суверенитет за счёт уменьшения зависимости от неевропейских поставщиков технологий. Технологический суверенитет является также формой укрепления европейских демократических традиций, исторически сложившегося в Европе культурного разнообразия.

И, наконец, согласно *четвертому принципу*, должны быть укреплены органы государственной власти, что позволит обеспечить широкое участие граждан европейских стран в управлении системой образования, наукой и культурой. Государственные институты должны быть достаточно сильными и эффективными, чтобы иметь возможность предоставлять онлайн социальные услуги для общественности, которые при этом должны быть надёжно защищены от контроля коммерческих интернет-платформ [20: 14-23].

Таким образом, если антиутопии предполагают механизм реализации, основанный на принципе самореализующихся пророчеств, то воплощение в жизнь утопий исходит из планов-проектов, претворяемых в жизнь мощными государственными институтами и глобальными ИКТ-корпорациями, такими как «Эшпл», «Майкрософт», «Фейсбук». Цифровое Будущее является рукотворным проектом, ошибки и просчёты в разработке которого могут иметь серьёзные и даже катастрофические последствия для дальнейшей исторической эволюции отдельных стран и всего человечества и которые, по всей видимости, уже не могут быть исправлены «добродетельной» рукой невидимого Провидения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ - НАЗАД В ПРОШЛОЕ?

Колоссальное усиление экономической мощи и политического влияния глобальных ИКТ-корпораций в ходе мирового пандемического кризиса в 2020–2022 гг. побудили многих политологов, социологов, экономистов и государствоведов страны обратить свой взор к американскому опыту 1930-х годов, к политике «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, который не только сумел использовать всю потенциальную мощь государственного аппарата на его федеральном уровне для обуздания безраздельного господства крупнейших монополий США того периода, но и сформировал новый «социальный контракт» американского общества, обеспечивший ему 30 послевоенных лет устойчивого экономического

развития. Изучение и обращение к опыту «Нового курса» всё чаще приводит американских обществоведов к мысли, что пришло время, по крайней мере в развитых странах, особенно в США, разработать и начать реализацию «Цифрового нового курса», который позволил бы по сути провести «цифровую демократическую революцию», поставившую цифровую сферу под эффективный контроль широких масс [21: 9].

ИСТОЧНИКИ

1. OECD. OECD work on digital security policy. February 2022. P. 1. Available at: <https://www.oecd.org/sti/ieconomy/digital-security/> (accessed 25.03.2022).
2. A Brief History of Digital Revolution_Iconographic. - Science and Technology Facilities Council (accessed 25.03.2022).
3. Hofmann J. Digital Tracking as a Political Program. *Econstor*, 04.04. 2020. 2 pp. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/223134> (accessed 25.03.2022).
4. Bauer R. Economic Freedom and Quality of Life Impacts: A Comparison". Senior Honors Theses. 597. Liberty University, 2016, 40 pp. Available at: <https://digitalcommons.liberty.edu/honors/597> (accessed 25.03.2022).
5. Stanciu S. Legal and Ethical Concerns Regarding Gene Editing. - "RAIS Conference Proceedings", March 30-31, 2020", pp. 87-91. Available at: <http://rais.education/wp-content/uploads/2019/11/0013SAS.pdf>. (accessed 25.03.2022).
6. WHO. Listings of WHO's response to COVID-19. Updated December 28, 2020. Available at: <https://www.who.int/news/item/29-06-2020-covidtimeline> (accessed 25.03.2022).
7. WHO. WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. 22 March, 2022. Available at: <https://covid19.who.int/> (accessed 25.03.2022).
8. Gonzales S. Historian Frank Snowden: May we be 'forever changed' by coronavirus. *Yale News*, April 8, 2020. Available at: <https://news.yale.edu/2020/04/08/historian-frank-snowden-may-we-be-forever-changed-coronavirus>.(accessed 25.03.2022).
9. How Will COVID-19 Change the World? Historian Frank Snowden on Epidemics from the Black Death to Now. Transcript. - "Democracy Now!, democracynow.org, The Quarantine Report", May 18, 2020. Available at: https://www.democracynow.org/2020/5/18/frank_snowden_covid_19_epidemics_history. (accessed 25.03.2022).
10. Papadopoulos P. Yale's Frank Snowden on how this pandemic, like others, is changing history. - "Ekathimerini.com", 24.01.2021. Available at: <https://www.ekathimerini.com/opinion/interviews/261548/yale-s-frank-snowden-on-how-this-pandemic-like-others-is-changing-history/> (accessed 25.03.2022).

11. Anderson J., Rainie L., and Vogels E. Experts Say the 'New Normal' in 2025 Will Be Far More Tech-Driven, Presenting More Big Challenges. Internet & Technology. – Pew research Center, February 18, 2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/02/18/experts-say-the-new-normal-in-2025-will-be-far-more-tech-driven-presenting-more-big-challenges/> (accessed 25.03.2022).
12. An Intellectual Entente. *Harvard Magazine*, 9.10.09. Available at: <https://harvardmagazine.com/breaking-news/james-watson-edward-o-wilson-intellectual-entente>. (accessed 25.03.2022).
13. Panchal N., Kamal R., Cox C., and Garfield R. The Implications of COVID-19 for Mental Health and Substance Use. – "KFF Brief", Fed.10, 2021. Available at: <https://www.kff.org/coronavirus-covid-19/issue-brief/the-implications-of-covid-19-for-mental-health-and-substance-use/> (accessed 25.03.2022).
14. Steele C. What is the Digital Divide? - Digital Divide Council, Feb.22, 2019. Available at: <http://www.digitaldividecouncil.com/what-is-the-digital-divide/> (accessed 25.03.2022).
15. Office of National Statistics. Statistical bulletin. Internet access – households and individuals, Great Britain: 2020. Table 1: Households with Internet Access, 1998 To 2020. Available at: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/householdcharacteristics/homeinternetandsocialmediausage/bulletins/internetaccesshouseholdsandindividuals/2020>. (accessed 25.03.2022).
16. World Economic Forum. Coronavirus has exposed the digital divide like never before. 22 Apr, 2020. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/coronavirus-covid-19-pandemic-digital-divide-internet-data-broadband-mobbile/> (accessed 25.03.2022).
17. WATCH: Full Secret Video of Private Romney Fundraiser. *Mediagaxer*, September 18, 2012 (accessed 25.03.2022).
18. Read Hillary Clinton's 'Basket of Deplorables' Remarks About Donald Trump Supporters. *Time*, September 10, 2016. Available at: <https://time.com/4486502/hillary-clinton-basket-of-deplorables-transcript/> (accessed 25.03.2022).
19. Leonard B. 'Neanderthal thinking': Biden lays into states lifting Covid restrictions. *Politico*, 03/03/2021 (accessed 25.03.2022).
20. A Vision for a Shared Digital Europe. Amsterdam/Brussels/Warsaw, April 2019, 23 pp. Available at: <https://www.commonsnetwork.org/news/new-a-vision-for-a-shared-digital-europe/> (accessed 25.03.2022).
21. A Digital New Deal: Visions of Justice in a Post-Covid World. Just Net Coalition and IT for Change. January 2021. 230 pp. Available at: <https://itforchange.net/digital-new-deal/> (accessed 25.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008, 677 с.

Травкина Н.М., Роговский Е.А. «Цифровая демократия» и президентская кампания-2016. *Россия и Америка в XXI веке*, 2016, № 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760012263-6-1/>

REFERENCES

Davies, T. Mind change: How digital technologies are leaving their mark on our brains. *New Media & Society*, October 2016, pp. 2139-2941.

Dovich, L. Digital Media Technology and Your Spiritual Life: An Uneasy Alliance. — Christian Engineering Conference. 2017 Conference. 22 pp. Available at: http://digitalcommons.cedarville.edu/christian_engineering_conference/2017/technological_development/2.

Dufva, T., Dufva, M. Grasping the future of the digital society. *Futures*, March 2019, pp. 17-28.

Feenberg, A. The Internet and the End of Dystopia. *Communiquer. Revue de communication sociale et publique*, 2017, No 20, pp.77-84.

Fukuyama, F. 30 Years of World Politics: What Has Changed? *Journal of Democracy*, January 2020, pp. 11-21.

Harari, Y. 21 Lessons for the 21st Century. London: Vintage, 2018, xv + 352 pp.

Ossewaarde, M. Digital transformation and the renewal of social theory: Unpacking the new fraudulent myths and misplaced metaphors. *Technological Forecasting & Social Change*, September 2019, pp.24-30.

Philip, L., Cottrill, C., Farrington J., Williams F., Ashmore F. The digital divide: Patterns, policy and scenarios for connecting the 'final few' in rural communities across Great Britain. *Journal of Rural Studies*, 2017, August, pp. 386-398.

Reutter, L., Spilker, H. The Quest for Workable Data Building Machine Learning Algorithms from Public Sector Archives. In: Sudmann. (Ed.): The democratization of artificial intelligence. Net politics in the era of learning algorithms. Bielefeld: transcript 2019, S. 95-107. Available at: https://www.academia.edu/es/40580163/Andreas_Sudmann_ed_The_Democratization_of_Artificial_Intelligence_Net_Politics_in_the_Era_of_Learning_Algorithms_transcript_Columbia_UP_2019_DOI: <https://doi.org/10.25969/mediarep/13551>

Sand, M. On "not having a future". *Futures*, March 2019, pp. 98-106.

Smith, A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations] (In Russ., translated from English). Moscow: Directmedia Publishing. 2008, 677 pp.

Snowden, F. Epidemics and Society From the Black Death to the Present. New Haven, Yale University Press, 2019, xvii + 582 pp.

Travkina, N.M., Rogovsky, E.A. "Digital Presidential Democracy" and Campaign-2016. *Russia and America in the 21st century*, 2016, No. 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760012263-6-1/>.

Ulbricht, L. Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 2020, No. 3, pp.426-442.

Van Cattenburch, I., Duijn, M. Shakespeare's learning futures: The application of Shakespeare's allegory as interpretative scheme for sustainable decision-making. *Futures*, March 2019, pp. 107-118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРАВКИНА Наталья Михайловна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра внутриполитических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Natalya M. TRAVKINA, Doctor of Sciences (Political), Chief Researcher, Head of the Center for Domestic Policy Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 25.03.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 10.04.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 12.04.2022.